

Чаленко Марина Вадимовна, Попов Виталий Владимирович

ФЕНОМЕН НАСТОЯЩЕГО В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ

В статье рассматривается малоизученная проблема, связанная с феноменом настоящего в контексте философии истории. Особое внимание уделено соотношению истории и процесса. Настоящее время представляется в соотнесении с другими темпоральными параметрами. Показывается, что историко-философский интерес к настоящему смещен в сторону того или иного конкретного периода интеллектуального осмысления истории.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/5-1/44.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 5 (19): в 2-х ч. Ч. I. С. 193-197. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 316.3

В статье рассматривается малоизученная проблема, связанная с феноменом настоящего в контексте философии истории. Особое внимание уделено соотношению истории и процесса. Настоящее время представляется в соотношении с другими темпоральными параметрами. Показывается, что историко-философский интерес к настоящему смещен в сторону того или иного конкретного периода интеллектуального осмысления истории.

Ключевые слова и фразы: настоящее время; философия истории; темпоральные характеристики; событие; рациональность исторического события; историческое время; стрела времени; глобальный эволюционизм.

Марина Вадимовна Чаленко

Виталий Владимирович Попов, д. филос. н., профессор

Кафедра философии

Таганрогский государственный педагогический институт

vitl_2002@list.ru

ФЕНОМЕН НАСТОЯЩЕГО В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ©

В современной литературе принято считать, что философия истории непосредственно связана с фактором настоящего времени, как с одним из приоритетных концептуальных образований, то есть проблемы философии истории, так или иначе, рассматриваются в рамках всей сферы социальных отношений исследуемой современной эпохи. Конечно, в этом направлении необходимо обратить внимание на то, что сама философия истории имеет одной из своих непосредственных задач выяснение и объяснение смысла исторической действительности, то есть выявление того, что представляет собой история, в чем заключается ее сущность, динамика, тенденции, перспективы развития и т.д. При этом сама философия истории, естественно, не является какой-то особой методологией отдельной от философии исторического познания и не связана с выявлением специального понятийного аппарата, который стоял бы как над терминологическими особенностями философии истории, так и над общефилософской методологией исторического исследования.

Исследование концептуального аппарата исторического понимания в рамках социально-гуманитарных наук и философии в частности связано в большей степени с той областью философского знания, которая отражает универсальные и фундаментальные проблемы, например, проблему бытия в части ее историчности. Некоторые из используемых философских и исторических концептов представляют собой проблему в плане их концептуального уточнения, но не с точки зрения их недостаточной отчетливости, а в большей мере – с точки зрения их соотносительности с конкретной сферой социально-философского знания. В число подобных проблем входит и феномен настоящего в рамках философии истории.

В современной литературе нередко обращают внимание на то, что сам исторический процесс имеет становление прошлого через настоящее к будущему времени, однако цикл исторического исследования заканчивается тогда, когда могут быть указаны имеющиеся исторические события, получившие определенный онтологический статус. То есть после них уже фактически происходит изменение акцентов теоретико-познавательных возможностей в отношении историко-графического исследования, наступает период для политической, этической, моральной или еще какой-либо оценки настоящей ситуации, а историческое исследование представляется через категориальные схемы, так как, на наш взгляд, в любом историческом исследовании, конечно, должен существовать определенный предел между самим объектом описания и рациональными способами его воспроизведения.

В рамках истории философии, признавая саму проблему историчности как одну из приоритетных проблем, следует обратить внимание на то, что как раз настоящая ситуация является поводом для самых радикальных осмыслений тех или иных исторических проблем, то есть философская мысль находит в настоящем тот самый истинный смысл исторической действительности и обнаруживает определенную тенденцию направленности и не столько на прошлое или настоящее, сколько на приоритет в отношении будущего. Конечно, не исключено, что возникают вопросы, касающиеся того, есть ли у настоящего своя собственная форма, связанная с тем, например, под каким ракурсом понимать философско-исторический подход к понятию настоящего, в частности понятия настоящего времени. Дело в том, что возможна ситуация, что само настоящее время может мыслиться как, например, «Третья античность» или нечто подобное, то есть современная эпоха или современное настоящее будет связано не столько с определенным индексом самой истории и соответствующего исторического осмысления определенных событий, сколько с тем, насколько возможно в той или иной мере формальное представление соответствующих событий этой истории [4].

С другой стороны, за рациональным объяснением исторического процесса тот же познающий субъект будет обращаться к тем исторически выработанным схемам и формам, в рамках которых историческое событие будет рассматриваться либо в жестком контексте обращения исследователя к самому историческому процессу с целью выяснения тех или иных его интегральных характеристик, либо речь пойдет о несколько другом

контексте. А именно: о понимании тех или иных конкретно-исторических событий с позиций философского осмысления в рамках того настоящего, в котором находится сам исследователь, либо с выходом на метауровень, когда настоящее время будет представлять собой некоторую шкалу, которая находит свое применение как по отношению к историческому исследованию в целом, так и по отношению к тому субъекту, предметом или объектом которого это исследование будет представляться в качестве того сегмента истории, который выделяется с позиции зафиксированного для рационального объяснения исторического события.

Конечно, принимая важность понятия «настоящего» для философии истории было бы нелепо предполагать, что сама философия истории обладает таким понятием настоящего, которое уже концептуально раскрыто и которое фактически предполагает своеобразную аналитическую обработку с точки зрения тех исторических подробностей, которые могли возникнуть в рамках исторических дискуссий относительно тех или иных событий, происходивших в истории, исторических фактов, процессов, которые, в конечном счете, формируют тот концептуальный каркас, который необходим для проведения адекватного исторического исследования с использованием методологических особенностей философии истории.

Обратим внимание на то, что понятие «настоящего» представляется для философии истории в какой-то степени не совсем определенным не только потому, что существуют другие противоречащие трактовки его предметной области. Скорее дело в том, что понятие «настоящего» имеет в рамках философии истории не проблематический характер, а характер проблемообразующий. В противном случае, видимо, философия истории не представляет такого интереса для современных исследователей, особенно в рамках современной парадигмы после ее классического варианта, то есть через исследование понятия «настоящего» происходит в какой-то степени определение самой философии истории, но не как своеобразной философии исторических систем и тем более исторических трактатов, а как реальной философии истории, которая не только представляется с современных ретроспективных позиций, но и которая именно с этих позиций и представляется как история с точки зрения ее объяснения и понимания в рамках современного постнеклассического дискурса.

Современный постнеклассический дискурс относительно варианта изучения философии истории в аспекте исследования проблемы настоящего, конечно, с одной стороны не предполагает исследования специального вопроса о том, что представляет собой философия по отношению к конкретной исторической эпохе, конкретному историческому периоду, так как это является общефилософскими проблемами. Однако, с другой стороны, нельзя не учитывать того, что в этом случае философия истории, конечно, будет соотнесена с некоторым индексом времени, с некоторой эпохой, с некоторым веком. И в этом направлении в какой-то степени будут сомнительными исследования, которые обходят проблемы, связанные с тем, что для каждого исторического периода, конечно, будут существовать свои особые интеллектуальные системы, которые не ставят под сомнение сам смысл общефилософской проблематики исторического процесса, но которые дают конкретные темпоральные индексы и которые позволяют говорить о том, что именно эти индексы, с точки зрения настоящего вообще и с точки зрения настоящего времени, позволяют определить круг проблем, актуальных как для каждого конкретного настоящего, так и позволяющих говорить о тех проблемах, которые находятся в потенциальном будущем или находились в прошлом по отношению к этому выделенному настоящему.

В конечном счете можно сказать, что настоящее образовано негативно определенным историческим событием, то есть завершением рационалистической традиции установленного смысла того или иного исторического факта или события, а сам историко-философский интерес к настоящему оказывается смещенным в сторону осмысления того или иного конкретного периода интеллектуального осмысления истории. Можно сказать, что при выяснении онтологических особенностей понятия «настоящего» самостоятельность философско-исторического подхода к историческому процессу в какой-то мере утрачивает свои универсальные характеристики.

Обратим внимание на то, что концептуальный анализ понятия «настоящего» в какой-то степени дает результаты, которые в принципе несколько расходятся с теми, которые являются принятыми в современной литературе. Прежде всего, конечно, нужно отметить, что сама проблема настоящего так и не получила приоритетного развития и в рамках исторических исследований, и в рамках логико-методологической литературы. То есть говорить о том, что категория «настоящего» или категориальный концептуальный аппарат, который описывает эту категорию, являются разработанными, было бы видимо преждевременным. Другое дело, что действительно в историческом исследовании в настоящее время именно и возникла эта проблема, так как понятие «настоящего» может пониматься в совершенно различных смыслах, начиная от того, что настоящее является тем или иным фрагментом конкретного исторического процесса и заканчивая тем, что это сугубо философская категория, которая принадлежит к понятиям как социального, так и исторического времени, и которая подразумевает отдельные исследования как с методологических, так и с концептуальных позиций. При этом нельзя забывать и о том, что существует традиционная проблема исследования «стрелы времени», которая предполагает известную триаду «прошлое – настоящее – будущее». И в этой триаде понятие «настоящего времени» можно рассматривать и как фрагмент изучения «стрелы времени», и как отдельную проблему, которая требует своего разрешения как в общефилософском плане, так и для конкретных исторических исследований.

Более того, сама проблема настоящего имеет и более широкое значение, речь идет, например, о глобальном эволюционизме, рассматриваемом в современной постнеклассической науке. Если принимать ситуацию постнеклассического рационального осмысления мира, в рамках которого ученый-исследователь имеет дело с различного рода системами, причем сложными саморазвивающимися системами, то сам

процесс перехода, сама точка отсчета, которая именно и связана с этими саморазвивающимися системами, предполагает не только их переход, но и тот определенный предел, когда одна система становится другой. Является ли это проблемой настоящего или нет – это действительно дискуссионный вопрос, над которым спорят ученые из различных областей как естественных наук, так и гуманитарных. На наш взгляд, дело заключается несколько в другом, а именно: является ли эта проблема настоящего той проблемой, которая действительно методологически важна для современной постнеклассической науки в целом. Или же следует перенести эту проблему в более прагматичное русло, в рамки исторического исследования, когда вопросы, связанные с настоящим, являются своеобразными индексами для конкретного историко-философского исследования. По нашему мнению, данные проблемы следует рассматривать в рамках системы, в рамках интегрального подхода, так как невозможно отделить современное историческое исследование от тех процессов, которые протекают в рамках современной постнеклассической науки. И речь даже не о том, что эта категория действительно важна для современной, например, постнеклассической рациональности, хотя и это очень важно, необходимо отметить тот факт, что проблема настоящего является той проблемой, вокруг которой, например, в рамках того же глобального эволюционизма, можно рассматривать детерминистские, индетерминистские и иные процессы, которые представляют не просто индекс настоящего в рамках той или иной концепции времени, а которые важны с точки зрения самого широкого понимания времени и с точки зрения самого широкого понимания жизни [3].

Конечно, нельзя не обратить внимание на то, что в рамках философских дискуссий присутствует элемент того, что «настоящее» есть некоторое «обыденное» понятие, в котором синтезированы аналитически разнородные элементы, то есть здесь есть прямой выход на проблему исторического времени, в котором присутствуют различные события; при этом с точки зрения подобных событий можно говорить об актуальности реализовавшихся исторических тенденций и о том, что эти исторические тенденции рассматриваются по отношению к настоящей ситуации, которая, в конечном итоге, представлена, зафиксирована и сформулирована в какой-то конкретной рационально сформулированной системе знаний.

Можно сказать в этом направлении и о том, что вполне допустимо своеобразное двойное измерение понятия «настоящего», то есть оно должно пониматься и как «настоящее субъекта», то есть настоящее с исторически «прибывающим обществом», и как «настоящее вообще», то есть настоящее с исторично «прибывающим сущным» и производным от реальной человеческой действительности. Подобная неоднозначная позиция может быть представлена и иным образом: своеобразная мера в соотношении исторического в рамках индивидуального человеческого бытия и в рамках общества может быть перенесена в сферу проблемы исторически ориентированного настоящего со смыслом своего бытия. И в этом смысле оно сопряжено с таким пониманием настоящего, которое собирает исторические времена в различные исторические эпохи, а также с прошлым, понимаемым приоритетно как «настоящее с прошлым». Далее наступает будущее, которое будет либо сочетаться с проективностью в рамках настоящего времени, либо с ожиданием тех желаний познающего субъекта, которые принесут ему максимально выгодный результат с точки зрения рационалистических ожиданий, рационалистического результата и рационалистически направленного взгляда на современную науку.

Конечно, подобная двойственность в концептуальном понимании настоящего должна быть в своих смыслах распределена и тем самым связана не с длительностью истории как процесса изменений и трансформаций, замкнутых между начальными и конечными темпоральными событиями или состояниями, а с историческим существованием вообще, допускающем в какой-то мере типологическое описание и схематическое прояснение темпоральной исторической структуры в рамках современной постнеклассической парадигмы.

Отметим, что наряду с достаточно строгим концептуальным понятием «настоящего», с другой стороны нельзя говорить о том, что настоящее в рамках обыденного понимания является бесполезным и бессмысленным понятием. Конечно, понятие «настоящего» в рамках обыденной картины мира является несколько неопределенным, но при этом оно не определено вовсе не потому, что является поверхностным, тщательно не проработанным, или по отношению к нему нельзя применять конструктивную обработку. Неопределенность связана, прежде всего, со структурированностью понимания, так как оно не связано с различными его рассудочными формами. Это означает, что неопределенность понятия «настоящего» в рамках обыденной картины мира должна фактически рассматриваться в контексте того, что имеет историческую, но не логическую структуру понимания. То есть в рамках обыденного понимания настоящего предполагается интегральность слишком многих характеристик, которые синтетически отражают это настоящее. Поэтому оно и выглядит, с одной стороны, несколько неопределенным, а с другой стороны – с терминологических позиций – несколько нечетким. Но при этом, через подобное понимание всё же прослеживаются определенные тенденции исторического понимания, которые нежелательно или нецелесообразно вкладывать в строгие логические схемы для того, чтобы получить, с одной стороны, большую сферу тенденций в проявлении исторического процесса. А с другой стороны – иметь возможности внерациональных форм объяснения существенных характеристик этих тенденций.

Некоторые специалисты задают вопрос о том, дает ли что-либо понятие «настоящего» в рамках обыденной картины мира, или этот вопрос, вообще-то говоря, неправилен, так как он связан с тем, что речь идет о воспроизведении относительной неопределенности как универсальной черты исторического знания вообще. При этом, как и всякая наука, естественно, философия демонстрирует определенную рациональную

самодостаточность, но подобная самодостаточность это весьма условный момент, который связан с границами этого понятия до тех пор, пока в рамках рациональных принципов и особенно средств анализа не появляются те, которые имеют не исторические истоки, а оказываются сложными конституированными формами научного мышления. И при этом вопрос заключается даже не в преемственности научных проблем и средств их анализа, которые позволяют относить часть их к области предрассудков, а часть к области весьма достоверных положений. И дело даже не в допустимости или недопустимости каких-то аналогий в области исторических или философских принципов. Проблема заключается в том, что историчность принципов, законов и средств пострационального знания не может иметь неопределенного характера в той же мере, в которой они принадлежат исторически однозначным тенденциям в рамках всеобщей обозначенной схемы индетерминистских структур, хотя возможно эти тенденции и не актуализировались [2].

Понятие «настоящего» в рамках обыденной картины мира предполагает, по крайней мере, уяснение специфики тех исторических тенденций, которые проходят через рациональную конструкцию настоящего времени.

Сам рациональный спектр знания может быть ограничен именно историческим способом, когда рассматриваются эпистемологические пределы в рамках конкретной теоретико-познавательной сферы, связанной с одной исторической тенденцией исторического процесса [1]. При этом особенность рассмотрения подобной тенденции с позиции настоящего заключается не в признании вариативности или многофакторности тенденций, в какой-то мере их гетерогенности и нередуцируемости по отношению к общему источнику и даже не в завершенности некоторых тенденций по отношению к индексу настоящего. Подобная специфика тенденции должна быть представлена в механизме и характере прохождения через индекс настоящего, настоящего времени, в том механизме или характере, который предполагает конструирование хотя бы ближайшего будущего с точки зрения тех исторических перспектив, которые формируют саму сферу этого будущего.

Обратим внимание на то, что понятие «настоящего» не просто дает возможность обратить внимание на исторические тенденции, а также даёт возможность собрать вместе те смыслы, значения, которые исследователь вкладывает в само понятие тенденции с точки зрения отнесённости исторического прошлого по отношению к историческому настоящему, по отношению к историческому будущему. При этом, с точки зрения методологии исторического исследования, очень важно обратить внимание на проблему транзитивности подобных понятий. В рамках изучения тенденций исторического, естественно, сочетаются, соизмеряются как проективность самого настоящего и его онтологической сущности, так и возможно некоторая завершенность настоящего в рамках тех тенденций, которые обозначены в контексте подобного исследования. При этом будущее время подобных исторических событий может быть рассмотрено с точки зрения прошлого в самом настоящем. С другой стороны, подобная открытость будущих сфер реализации исторических перспектив может рассматриваться и как реализация каких-то исследовательских историко-философских или исторических проектов и, что может быть парадоксально, как их своеобразная замкнутость с точки зрения синкретичности по отношению к понятию времени в рамках его концептуального анализа, поскольку возможное отношение к будущему всегда может быть оформлено в своеобразные временные интервалы.

Нельзя не отметить то, что строгое концептуально оформленное понятие «настоящего» предполагает подобное адекватное представление структуры исторической относительности вообще. Настоящее в рамках исторического процесса, в рамках его отнесения с чем-то историческим, например, фактом или событием является объяснением исторического времени и уже не как последовательности временных моментов, а как составленности исторического целого с позиции интервальной концепции времени. И само время в подобном случае является не формой исторического анализа, а формообразующей схемой исторического построения того или иного сегмента бытия или же бытия в целом с учетом индекса конкретного исторического исследования.

Заметим, что от понятия «настоящего» может быть выработана своеобразная конструкция нахождения возможности не только мыслить, но и описывать историческое время, причем вне контекста его взаимно определяющей соотнесённости с историческим пространством, историческим процессом, историческим опытом или исторической жизнью, а в его определяющем историчность бытия смысле. То есть, неформальное условие времени не должно соотноситься с формальным условием пространства, процесса, ситуации и других подобных понятий, но должно присутствовать описание времени как условие соотносимости исторических типов существования тех или иных исторических событий.

В этом направлении понятие «настоящего» обнаруживает свой потенциал в том, что открывает и, более того, подразумевает открытым вопрос о статусе темпоральных схем в философии истории. Обратим внимание на два достаточно серьезных методологических аспекта, во-первых, известно, какова значимость схематики философии истории, так как история сама по себе есть совокупность сведений, фактов, событий, а поэтому философия истории должна быть каким-то, в своем роде, объяснением, осмыслением, интерпретацией подобных фактов, явлений. В той мере, в какой она распределяет историческое содержание по историческим периодам и историческим эпохам, она также проводит распределение по определенным национальным и регионоведческим аспектам. Однако, с другой стороны, концепции философии истории не являются некоторым простым упорядочиванием какого-то подготовленного исторического материала и тем более не собранием тех или иных исторических фактов. То есть, когда в философии истории речь идет о времени, об интервалах, эпохах и им подобных конституэнтах исторической схематики, то рассматривается и понимается сущность и бытие не заключенного в исторический конкретный фрагмент содержания, а самого исторического фрагмента как такового. Отметим то, что всеобщая историческая схематика является таким необходимым упрощением рационалистического взгляда,

при котором достаточно отчетливо видными оказываются приоритетные концепции истолкования социального бытия в рамках широкого спектра как рациональных, так и не рациональных факторов.

В литературе достаточно часто встречаются проблемы, которые связаны с интерпретацией времени как числа движения и меры бытия, и как последовательности и одновременности элементов порядка, и как единств прошлого, настоящего и будущего в рамках исторического бытия. Между тем, темпоральное объяснение и описание в рамках философии истории имеет свою собственную специфику, ориентированную, скорее, не на само понятие времени вообще или на различение физического и социального времени, а на то, что оно может вообще отсутствовать как направляющее или же присутствовать в качестве несобственной меры, то есть как некоторое квазивременное. Из этого следует, что темпоральный анализ, в котором артикулированный смысл времени как интервала или эпохи формации, или события, заменяется разного рода аналогиями или же подобный анализ оказывается определенной частной сферой философско-исторического исследования.

Список литературы

1. **Попов В. В., Щеглов Б. С.** Теория рациональности. Ростов-на-Дону, 2006. 318 с.
2. **Савельева И. М., Полетаев А. В.** История и время. В поисках утраченного. М., 1997. 790 с.
3. **Сергейчик Е. М.** Философия истории. СПб., 2002. 520 с.
4. **Сорокин П. А.** Человек. Общество. Цивилизация // Сорокин П. А. Избранное. М., 1992. 543 с.

PHENOMENON OF PRESENT IN THE CONTEXT OF HISTORY PHILOSOPHY

Marina Vadimovna Chalenko

Vitalii Vladimirovich Popov, Doctor in Philosophy, Professor

Department of Philosophy

Taganrog State Pedagogical Institute

vitl_2002@list.ru

The authors consider the little-studied problem connected with the phenomenon of the present in history philosophy context, pay special attention to history and process correlation, introduce the present taking into account other temporal parameters and show that historical-philosophical interest to the present is shifted to this or that specific period of history intellectual comprehension.

Key words and phrases: the present; philosophy of history; temporal characteristics; event; historical event rationality; historical time; time arrow; global evolutionism.

УДК 34

Статья содержит описание лицензионной системы, применяемой в отношении атомных электростанций в США. Основное внимание уделяется нормативно-правовому регулированию лицензирования. В статье анализируется правовой материал судебного решения по делу "Maine Yankee", отражающий преимущества и недостатки процесса лицензирования атомно-энергетического оборудования, авторы особо отмечают трудности общественного контроля в процессе принятия решения о выдаче лицензии.

Ключевые слова и фразы: лицензия; лицензионные процедуры в США; лицензионная система США; сертификация; атомная энергетика; атомно-энергетическое оборудование.

Анна Аджаявна Чатурведи

Григорий Владимирович Мельничук, к.ю.н.

Кафедра административного и финансового права

Российский университет дружбы народов

lawyer.anita.ch@gmail.com; gregory@melnichuk.org

ЛИЦЕНЗИРОВАНИЕ ОБЪЕКТОВ АТОМНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ В США (НА ПРИМЕРЕ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ, ВЫНЕСЕННОГО ПО ДЕЛУ АТОМНОЙ ЭЛЕКТРОСТАНЦИИ «МЕЙН ЯНКИ»)©

Лицензирование является одним из институтов современного права США. Зародившись в качестве типичной формы административного регулирования, оно применялось преимущественно в отношении физических лиц [1]. Однако к началу XX века данный институт приобрел принципиально иные черты и основывался на саморегулировании профессионального сообщества. С первой четверти XX века возросла роль лицензирования юридических лиц, а затем и корпораций, распространяющих свою деятельность на всю территорию США. Одним из таких видов деятельности является атомная энергетика, где применяется как профессиональное регулирование, так и широкий спектр иных форм регулирования. Подавляющее большинство из 104 имеющихся американских ядерных электростанций получили свои лицензии в 1960-1970-х годах.